

А.А.Щелчков

Начало «революции освобождения» Америки

Восстания в Ла-Пасе и Чукисаке 1809 г.

Восстания в Верхнем Перу (Чаркасе) — менее всего изученный этап Войны за независимость Испанской Америки. События в Чукисаке и Ла-Пасе в 1809 г. вписываются в рамки антиабсолютистской революции в испанском мире, включая американские владения. Эти движения содержали как традиционные элементы, так и новые, революционные тенденции, которые со временем приведут к полномасштабной войне за независимость. Традиционные испанские неосхоластические теории суверенитета народа дали столько же идейных мотивов для «революции освобождения», сколько и просветительские европейские идеи.

Ключевые слова: иберо-американская антиабсолютистская революция, народный суверенитет, «Акт докторов» Чукисаки, Охранительная хунта Ла-Паса, Хосе Мануэль Гойенече, Педро Доминго Мурильо, независимость.

Независимость Латинской Америки открыла новую эпоху в истории ее народов и всего западного мира, став важнейшим этапом начатого Великой французской революцией разрушения «старого режима», абсолютизма. Эта борьба зародилась в Верхнем Перу, ныне Боливии, где первыми в 1809 г. против испанского владычества восстали Чукисака и Ла-Пас, за ними последовал Кито (Эквадор), а полномасштабная революция имела место в Каракасе и Буэнос-Айресе в 1810 г. Боливийский историк Г.Рене Морено писал: «Вершина славы Чаркаса состоит в призыве к свободе 25 мая 1809 г., когда вся Америка еще глубоко спала в своем рабстве; на этот призыв откликнулся Ла-Пас, начавший войну и счет мучеников освобождения всего континента»¹.

В историографии XIX в. и первой половины XX в. преобладал следующий подход к Войне за независимость: стремление доказать неизбежность создания национальных государств на месте бывших колоний, их готовность к самостоятельному существованию как отдельных наций². Либеральной традиции трактовки «революции освобождения» в Испанской Америке как производной от Великой французской революции и сходной с ней по характеру противостояло течение «исторического ревизионизма», связывавшее Войну за независимость не с европейскими просветительски-

Андрей Аркадьевич Щелчков — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (sch2000@mail.ru).

ми влияниями и североамериканским опытом, а с испанской традицией, схоластическими концепциями и формами протеста и поведения, свойственными обществу в пиренейских государствах.

С середины XX в. большое влияние приобретает течение зависимого капитализма (западные социологи и историки М.Карманьяни, С. и Б.Стейны, Э.Фалетто и другие), предложившее иную интерпретацию истории. Эта теория, близкая также марксистскому направлению, делала упор на последствия войны за независимость, а не на ее причины. Приверженцы этой теории подчеркивали стремление креолов сохранить свои привилегии и власть, что помешало полностью демонтировать колониальную систему, затем они делали вывод: Война за независимость — «незавершенная» буржуазная революция.

В 80—90-е годы XX в. появились новые тенденции в интерпретации этих событий. Они связаны с именами Х.Родригеса и Ф.-Х.Герры³, которые во многом опирались на работы историков Т.Альперина и К.Стуцера, а также на течение «исторического ревизионизма». Для них события в Америке были явлением внутреннего гражданского конфликта в борьбе за равенство американцев и испанцев в рамках единой испанской нации, а Война за независимость — безусловной революцией, но исключительно политической, хотя и имевшей в исторической перспективе серьезные социальные последствия. Последние многочисленные публикации на эту тему, связанные с 200-летним юбилеем начала Войны за независимость, — в русле этой концепции⁴. Под ее влиянием, приняв аргументацию этих историков, один из ведущих теоретиков «зависимого капитализма» М.Карманьяни скорректировал свою точку зрения. Он стал утверждать, что на первом этапе Войны за независимость, с 1808 по 1814 г., речь шла об автономии и трансформации единого испанско-американского государства в конституционную монархию, и самым ярким примером этого являются хунты Ла-Паса и Чукисаки⁵. Отчасти с этой трактовкой сопрягается идея «атлантической революции», в основе которой лежит концепция «эры революций» английского историка Э.Хобсбаума. Многие доводы данной точки зрения вполне обоснованы. Вместе с тем, как отмечал в своей критике этой концепции именитый английский специалист по этой тематике Дж.Линч, идея единой «атлантической революции» не отражает всей сложности процессов в этот период истории. В этой концепции не остается места Латинской Америке с ее самобытностью и непохожестью на другие районы «атлантического мира»⁶.

В отечественной историографии событиям в Чаркасе в 1809 г. практически не уделялось внимания, а общие работы о Войне за независимость ограничивались кратким упоминанием об этих восстаниях, характеризующихся лишь как предвестники освободительной революции⁷. Между тем, необходимость изучения движений в Ла-Пасе и Чукисаке вполне очевидна, ибо они не только дополняют картину Войны за независимость, но и позволяют яснее увидеть связь американских и европейских революционных событий, наиболее отчетливо отметить характерные и для других регионов Америки особенности первоначального этапа движения за независимость.

События в Испании, предшествовавшие началу Войны за независимость в Америке, подробно описаны во многих работах. Вкратце они развивались следующим образом. В марте 1808 г. испанские Бурбоны под диктовку На-

полеона подписали отречение от престола в пользу брата Наполеона Жозефа. Испания после майского восстания 1808 г. в Мадриде поднялась на вооруженное сопротивление французской агрессии. Повсеместно возникали «патриотические хунты», принимавшие на себя всю полноту власти на местах. В сентябре 1808 г. в Аранхуэсе была создана Центральная хунта, претендовавшая на верховную власть в стране. Под натиском французских войск хунта переехала в Севилью, а затем и вовсе прекратила свое существование. Трон в Испании пустовал, и все произошедшее внесло замешательство в среду колониальных чиновников. В августе 1808 г. вице-король Ла-Платы С. Линье информировал местные власти, в частности президента аудиенсии (судебной палаты) Чаркаса, об аресте Бурбонов и прибытии французских эмиссаров. Тогда же появился новый фактор в борьбе за испанскую корону, еще более запутавший ситуацию и смутивший колониальные власти. Сестра Фердинанда VII инфанта Карлота Хоакина, бывшая замужем за принцем-регентом Португалии, бежавшим вместе с лиссабонским двором в Бразилию, 9 августа 1808 г. выпустила манифест, в котором заявляла, что принимает на себя представительство королевской семьи Испании, претендуя на регентство в период, пока не выяснится судьба династии. Карлота Хоакина была самой близкой находившейся на свободе родственницей смещенной королевской семьи и теоретически могла претендовать на кастильский престол.

19 августа 1808 г. в Монтевидео прибыл из Испании посланник Центральной хунты Хосе Мануэль Гойенече, который должен был обеспечить признание колониями верховной власти хунты. По дороге эмиссар посетил Рио-де-Жанейро, где встречался с Карлотой Хоакиной и получил от нее письма к вице-королю, президенту аудиенсии, архиепископу Ла-Платы (Чукисаки), колониальным властям, в которых она призывала признать ее временную верховную власть в Индиях (Америке). В иные времена и при других обстоятельствах действия Гойенече могли быть квалифицированы как государственная измена. Он побывал также в Буэнос-Айресе, а затем в Чукисаке и Ла-Пасе, прежде чем прибыть к месту своего назначения — Перу, где должен был занять пост интенданта Куско.

ДВИЖЕНИЕ В ЧУКИСАКЕ

Верхнее Перу, территория современной Боливии, составляло аудиенсию Чаркаса, с 1776 г. входившую в состав вице-королевства Рио-де-Ла-Платы. Столица региона город Чукисака, или Ла-Плата (ныне Сукре), в начале XIX в. была центром просвещения и интеллектуальной жизни всего региона.

В конце XVIII — начале XIX вв. идеи Века просвещения быстро завоевали умы интеллигенции и молодого поколения, прошедших школу Чукисакского университета, будущих вождей аргентинской независимости М. Морено, Б. Монтеагудо, Х. Х. Кастильи, М. Бельграно, героев восстания в Ла-Пасе в 1809 г. Х. А. Медины, П. Д. Мурильо, М. Мичела. 15 из 36 депутатов Тукуманского конгресса 1816 г., провозгласившего независимость Аргентины, были выпускниками Чукисакского университета⁸. Даже если многие будущие революционеры и были знакомы с передовыми идеями, то этому факту не стоит придавать большого значения. Все-таки в основе их мировоззрения лежали идеи испанской схоластики, а в области социаль-

ных отношений и государственного устройства — теория «общественного пакта» испанского схоласта XVI в. Франсиско Суареса. Он выдвинул принцип «первоначального пакта» между народом и королем, согласно которому первый передавал второму свой суверенитет. В ответ король был обязан править и опекать по-отечески свой народ, обеспечивая счастье на земле и спасение на небе. Если же король не соответствовал своему долгу перед Богом и народом, то народ имел право лишить его власти. Чукисакские радикалы делали заключение, что суверенитет принадлежит обществу, народу, а правление должно подчиняться справедливому закону. Идеи общественного договора и «первоначального пакта» слились в едином понимании народных корней суверенитета⁹. Традиционализм и схоластика Суареса, интерпретированные в духе просвещения и рационализма, стали основой антиабсолютистских настроений радикалов, подготовивших почву для революции освобождения Испанской Америки¹⁰.

Аудиенсия, верховный орган региона, занимала особое место в системе колониального управления. Нечеткое разграничение функций управления между аудиенсией, президентом, губернаторами и вице-королем делали ее единственным в своем роде органом, который объединял судебную практику, законодательную, политическую и административную ветви власти¹¹. Аудиенсия действовала от имени и короля, и креолов, и индейцев, представляя таким образом и корону, и все население колоний. Большинство оидоров (заседателей аудиенсии, судей) были креолами. Они рассматривали вверенную им страну как свою собственную.

После первых известий об учреждении Центральной хунты и о прибытии ее эмиссара в Буэнос-Айрес аудиенсия отказалась высказаться определенно по этому поводу, бросая вызов вице-королю и президенту аудиенсии Р.Писарро, без колебаний признавших хунту¹². На заседании в сентябре 1808 г. аудиенсия ввиду отсутствия письменного указа короля (чего и не могло быть из-за его пленения) и Совета Индий решила ничего не предпринимать и выжидать. Для Писарро такое поведение было сродни неверности и предательству. Однако он не имел полномочий для осуществления репрессий в отношении оидоров.

11 ноября 1808 г. Гойенече прибыл в Чукисаку. Он был торжественно и с большой помпой принят президентом Писарро и архиепископом М.Б.Мохо. Контрастом этому была откровенно враждебная позиция аудиенсии: ни один оидор или прокурор не посетил его. Тогда Гойенече созвал официальное заседание аудиенсии, но никто не пришел. Писарро приказал всем явиться под угрозой наказания. Гойенече привез письма от Карлоты Хоакины. Писарро и Мохо не решились вскрыть их, опасаясь обвинений в предательстве и переговорах с иностранным монархом. На заседании аудиенсии 12 ноября оидоры, проанализировав бумаги Гойенече, заявили, что в них нет подписей ни короля, ни Совета Индий, следовательно, они юридически ничтожны. Эта позиция обозначила главный тезис оидоров Чаркаса: ни один орган власти Испании не может автоматически заменить короля, ибо Чаркас принадлежит короне, а не Испании. Наличие особых Законов Индий, а также Совета Индий, не подчинявшегося Кастильскому совету, означало, что Америка не являлась провинцией Испании. Следовательно, утверждала аудиенсия, ни Центральная хунта, ни какая-либо другая хунта в Испании не имели право представлять Америку¹³. Аргументом Гойенече

был факт признания Центральной хунты вице-королем, решениям которого оидоры были обязаны подчиняться.

Пока шло заседание, на площади собрались толпы народа, и власти опасались беспорядков. После угроз со стороны Гойенече, поддержанного президентом и архиепископом, оидоры отступили и признали Центральную хунту. Однако на этом драма не закончилась. Перед самым закрытием заседания Гойенече при всех передал письма Карлоты Хоакины в руки Писарро и Мохо. Те сразу же, не допуская обсуждения, вскрыли их и прочитали. Перед оидорами предстали новые обстоятельства: претензии инфанты на престол и на управление Индиями. Среди всеобщей растерянности совещание аудиенсии было закрыто.

Писарро и Мохо решили ответить на письмо инфанты. И хотя они решительно отказались признать притязания Карлоты Хоакины, само письмо было расценено аудиенсией как свидетельство предательства¹⁴. Оидоры стали действовать решительно. 12 января 1809 г. после совместного заседания аудиенсии и Университетского совета появился документ, известный как «Акт докторов». Его автором был один из руководителей университета Мануэль Суданьес. В этом документе отвергались притязания на корону со стороны португальской принцессы, а сама ее «королевская персона» характеризовалась грубыми и оскорбительными выражениями. Узнав об этом «Акте», вице-король С.Линье, опасаясь последствий в случае победы португальской интриги, решил перестраховаться и приказал уничтожить записи об этом заседании в книгах аудиенсии и университета, что и было исполнено Писарро 20 мая 1809 г.¹⁵. Действия властей окончательно убедили оидоров в причастности Писарро, вице-короля, Мохо и Гойенече к заговору в пользу Карлоты Хоакины.

Эти события воодушевили молодых радикалов, считавших, что исчезновение законного монарха, а большинство было убеждено, что французы не выпустят короля живым, будет иметь одно-единственное следствие — суверенитет должен быть возвращен народу. Среди них самым известным был Б.Монтеагудо — автор знаменитого памфлета «Диалог Атауальпы и Фердинанда VII в полях Элизиума». Это документ был обнаружен Гойенече после подавления восстания в Ла-Пасе, куда он был доставлен из Чукисаки. Памфлет стал доказательством того, что цель восстаний состояла в получении независимости от Испании.

Помимо этого памфлета Монтеагудо, Чаркас наводнили многочисленными рукописными листовками, содержащими клич: «Смерть чапетонам!»¹⁶. Радикалы хотели реформ, но не верили в их возможность при сохранении абсолютной власти короны. Из их стремления к автономии и реформам вытекала цель — отделение от метрополии. Радикалы составляли ничтожное меньшинство. Однако смятение и растерянность, вызванные событиями в метрополии, позволили выдвинуть на первые роли новых людей, молодых радикалов, стремившихся воспользоваться поражением испанской монархии в Европе, чтобы нанести смертельный удар по абсолютизму в Америке.

Радикалы поддержали юридический ригоризм оидоров, отказывавшихся признать законность Центральной хунты, что де-факто означало независимость Чаркаса до возвращения Фердинанда VII на престол или появления законного наследника, а это было очень туманной перспективой. В этой группе революционеров были такие видные фигуры местного общества, как братья Хайме и Мануэль Суданьес, Х.Лемоин, Б.Монтеагудо, Х.А.Аль-

варес Ареналес. Все они входили в тайную ложу «Общество независимых», созданную в 1808 г.¹⁷. Ввиду того, что Х.Суданьес и Б.Монтеагудо были адвокатами по делам бедняков, эта группа имела большое влияние на народ, на городские низы. Горожане питались упорными слухами по поводу того, что испанские власти во главе с президентом Писарро хотят передать страну португальской короне.

20 мая Писарро получил указание вице-короля арестовать оппозиционных ему оидоров. Он собрал своих советников, которые отметили нарушение Законов Индий со стороны вице-короля, ибо оидоров можно было арестовывать лишь по именному указу короля¹⁸. Однако Писарро колебался, и было решено отложить выполнение приказа до 24 мая. Однако оидоров предупредили, и почти всем им удалось скрыться.

23 мая Писарро обратился за помощью к интенданту Потоси Ф.П.Сансу, в распоряжении которого были регулярные войска. Он ожидал восстания и готовился к нему. Оидоры также решили действовать. Вечером 24 мая они, некоторые члены университетского совета и кабильдо собрались в доме регента университета и в полном соответствии с Законами Индий потребовали от Писарро уйти с поста президента. Оидоры могли сместить его уже на следующий день посредством принятия «королевского соглашения» («*real acuerdo*»), имевшего силу закона.

Утром 25 мая Писарро был проинформирован о ночном заседании. Он отказался подчиниться решению оидоров, так как они собрались не в зале Аудиенсии, а в частном доме. Писарро решил действовать немедленно и приказал арестовать оидоров. Вновь отправил гонцов к Сансу в Потоси с просьбой о срочной помощи. Все это стало известно в городе. Все оидоры бежали, и арестовать удалось лишь очень популярного в народе Хайме Суданьеса. Арестованный Суданьес, когда его повели по улице, стал кричать, что его ведут на казнь за разоблачение предательства властей. Горожане ударили в набат, и народ собрался в центре города. Говорили, что арестовали всех оидоров, что было немыслимым беззаконием. С криками «Да здравствует Фердинанд VII, смерть плохому правительству!» народ обступил дворец Писарро, захватил оружие и пушки и потребовал освободить оидоров. Страсти накалялись, и Писарро распорядился освободить Суданьеса, которого с балкона показали народу. Народ же не успокаивался и продолжал осаждать дворец. Видимо, нервы у солдат не выдержали, и они открыли стрельбу по толпе. В ответ восставшие, выбив ворота выстрелом из пушки, ворвались во дворец¹⁹. Тут же появившиеся оидоры собрались на заседание и сместили Писарро. Аудиенсия взяла на себя всю полноту военной и политической власти в Чаркас. В ответ Писарро бросил оидорам в чем-то пророческую фразу: «С одним Писарро²⁰ началось испанское господство, а с другим началось его падение»²¹.

Тем временем Санс со своим отрядом в 500 воинов подошел к Чукисаке. Он остановился в Йолате подальше от городских стен. Санс был потрясен решительностью народа бороться за дело аудиенсии. Он так описывал события в своем письме вице-королю от 11 июня 1809 г.: «Когда я прибыл в Йолату, то нашел там только 22 женщины и 24 старика, да священника, так как все жители ушли в Чукисаку, боясь насилия с нашей стороны. Вся округа поднялась на защиту города»²². Санс

вступил в переговоры с представителями аудиенсии, в результате он согласился вернуться в Потоси и ожидать распоряжений вице-короля.

После восстания в Ла-Пасе в июле 1809 г. в Чукисаку прибыл М.В.Ланса, который стал откровенно говорить о независимости Чаркаса. Оидоры слушали его, однако и не поддерживали, и не осуждали. Положение политического пата, бездействие и неспособность революционеров не только проводить какие-либо реформы, но и управлять привели к полной деградации этой квазинезависимой власти аудиенсии, которая предпочитала ничего не предпринимать и выжидать. Как справедливо писал боливийский историк М.Сантос де Таборга, после победы восстания аудиенсия из органа революции сразу же превратилась в главное препятствие на ее пути²³.

Хосе Мануэль Гойенече

Вице-король Линье, узнав о событиях в Чукисаке, дал указания Сансу не вмешиваться в дела Чукисаки. В середине июля в Буэнос-Айрес прибыл новый вице-король П.Сиснерос, который 17 июля отдал распоряжение аудиенсии временно осуществлять власть. В Чукисаке это письмо торжественно читали перед толпой и рассматривали как одобрение своих действий.

После восстания в Ла-Пасе вице-король изменил свою политику, увидев в этом движении угрозу всему испанскому господству в Верхнем Перу. В августе Сиснерос приказал немедленно освободить всех арестованных, прежде всего, Писарро. Аудиенсия под давлением народа отказалась сделать это. 18 октября вице-король вновь потребовал исполнения своих августовских приказов. Хаос и разочарование, царившие в городе, страх перед репрессиями и силой королевских войск, шедших из Перу под предводительством Гойенече на подавление восставшего Ла-Паса, заставили оидоров сдаться. Затем в город было доставлено послание нового президента маршала В.Ньето, который потребовал ухода со своих постов всех революционеров — оидоров и прокуроров, замешанных в событиях 25 мая. В послании было заявлено, что надо осудить «четырёх мятежников», а остальным даровать прощение²⁴. После этого начался полный развал власти аудиенсии, которая 17 ноября объявила о своем подчинении вице-королю и новому президенту.

Ньето вошел в город в сопровождении войск Санса. Из Потоси из запасов Монетного двора привезли много денег, которые при въезде президента Ньето разбрасывали в толпе. Репрессии ограничились арестами М.Суданьеса и других видных деятелей восстания. Х.Суданьес и Б.Монтеагудо²⁵ бежали из города. Ополчение было разоружено и распущено. К удивлению многих в руках восставших оказалось много оружия, например, 15 пушек.

Восставшая Чукисака добилась полной автономии, не желая при этом идти на разрыв связи с метрополией. С другой стороны, власть осталась в

руках испанской колониальной бюрократии. Один из первых боливийских историков, свидетель тех событий М.Санчес де Веласко писал: «Наступило 26 мая, каких-либо изменений не произошло... Оидоры заседали и управляли... Шла переписка с губернаторами Потоси, Кочабамбы и Ла-Паса... ни у кого не наблюдалось желания изменить что-либо»²⁶.

Силы и влияние революционеров, стремившихся к независимости, оказались недостаточными. Бюрократия и креольская элита, отрицая законность хунты в Испании, не противопоставляли себя испанской монархии, не стремились к конфликту с метрополией. Однако, так же как и хунты в Испании, события в Чукисаке привели к развалу старой системы власти, ибо подрывали сами основы абсолютной власти монархии. Хотя не было создано альтернативной системы власти, отказ признать права Испании на решение судьбы ее американских владений закладывали основы не только автономии и федерализации империи, но и будущей независимости колоний. Восстание в Чаркасе привело в движение народные массы, которые вовлекались креольской элитой в борьбу за независимость, переставшую быть абстрактной идеей. Главными результатами восстания в Чаркасе в 1809 г. были разрушение стабильности и основ «старого режима», осознание обществом возможности достижения независимости.

ВОССТАНИЕ В ЛА-ПАСЕ

Переворот в Чукисаке ускорил развитие событий в северной столице Верхнего Перу. Ла-Пас, в отличие от университетской и бюрократической Чукисаки, был промышленным и торговым городом. Здесь чувствовался экономический пресс колониального режима. Тяжелые торговые налоги являлись ненавистными символами испанского господства. Здесь всегда был силен патриотизм, креольский регионализм. Ла-Пас с большим возбуждением воспринял новости о событиях в Испании, а затем и о революции в Чукисаке.

В Ла-Пасе миссия Гойенече вызвала такие же подозрения, как и в Чукисаке. Всем был очевиден сговор с Гойенече местного интенданта и епископа. Креолы вслед за чиновниками Чукисаки повторяли тезис о нелегитимности Центральной хунты и о праве создать свои органы управления. Интендант Т.Давила в докладе вице-королю подчеркивал, что в городе наблюдаются серьезные противоречия между испанцами и креолами по поводу их отношения к событиям в Испании: «Споры эти всякий раз приобретают все более непримиримый характер, усиливая взаимную враждебность»²⁷.

Обстановка политического возбуждения в Ла-Пасе осложнялась активностью сторонников перемен. Появилось большое число листовок и памфлетов (в Чаркасе этого явления замечено не было). В них содержались антиправительственные лозунги «Долой правителей Испании в Америке!», «Испания более не будет править страной!», «Да здравствуют наши законы и долой дрянное правительство и его чапетонов!». В большинстве листовок провозглашалась преданность Фердинанду VII, но были и такие, где его проклинали²⁸.

События мая 1809 г. в Чукисаке радикальнейшим образом отразились на положении в Ла-Пасе. 8 июня в городе появился посланник аудиенсии Мариано Мичел, привезший с собой не только ордер на арест бежавших из Чукисаки сторонников Писарро, но и памфлеты Монтеагудо. По дороге в Ла-

Пас Мичел побывал в Кочабамбе, где встретился с выдающимся деятелем первых лет Войны за независимость священником Хосе Антонио Мединой, который пообещал Мичелу присоединиться к нему в Ла-Пасе. По прибытии в Ла-Пас Мичел встретился с губернатором и епископом, а также с группой радикалов, в которую входили Мурильо, Катакора, Инохоса, Сагарнага и братья Ланса²⁹. Всего состоялось пять секретных совещаний. 24 июня в доме Сагарнаги собрались все заговорщики и принесли клятву участвовать в революции против властей. 9 июня в Ла-Пасе прибыл самый радикальный из заговорщиков Х.А.Ме-дина. 12 июля состоялось последнее совещание, где было принято окончательное решение выступить 16 июля, в день пресвятой Девы Марии дель Кармен. К заговору присоединился испанец, офицер Х.П.Индабуру.

16 июля 1809 г. во время религиозной процессии заговорщики захватили казармы, нейтрализовав солдат. Одновременно ударили в набат, чтобы собрать народ. Они убеждали людей, что европейцы хотят перебить креолов. Под здравицы в честь Фердинанда VII и проклятия предателям, губернатору и епископу, продавшимся португальцам, стали вооружать народ. Для этого в доме Индабуру заранее был оборудован склад оружия. Народ кричал: «Смерть чапетонам!»³⁰. Толпа взломала двери тюрьмы и освободила заключенных. Гражданская власть в городе перешла к муниципальному совету — кабильдо. Под давлением народа кабильдо принял в свои члены трех представителей заговорщиков, которые и стали неформальными вождями в муниципалитете. Лидеры восставших Мурильо и Индабуру объявили о призыве в ополчение. Народ требовал изгнать всех главных чиновников старой администрации, а ключи от казначейства передать в кабильдо³¹. Кабильдо пообещал отменить алькабалу (налог с продаж) на продукты питания и товары, продаваемые индейцами.

На следующий день с утра на центральной площади возвели виселицы и объявили о том, что всякий, кто оскорбит другого, назвав чапетоном или креолом, будет казнен. Всем же испанцам было велено явиться к трем часам дня для принесения «клятвы верности и заключения союза с американцами во имя защиты родины». Клятву под виселицами и перед портретом Фердинанда VII принимали от имени кабильдо и народа Г.Ланса и Х.Б.Сагарнага. Хронист восстания писал: «Ясно, что целью патрициев является не что иное, как независимость»³².

19 июля с балкона кабильдо было торжественно зачитано заявление, в котором провозглашалось полное равенство европейцев-испанцев и креолов-американцев. «Впредь нет ни высокого, ни низкого народа, теперь все равны. Это то равенство, которое уже 20 лет ищут французы», — отмечал хронист-роялист Томас Котера. Важнейшим решением революционеров было прощение всех долгов по налогам. 20 июля на площади торжественно под портретом короля были сожжены все бумаги казначейства по налогам, начиная с 1807 г. Это была самая смелая и действенная акция новых властей, которые стремились к самоуправлению в финансовой сфере.

Одним из первых мероприятий новой власти была смена чиновничьей верхушки. Были уволены начальники почты, таможни, принята отставка администратора табачной монополии и командующего ополчением. Затем наступила очередь провинциальных властей. Противники восстания в своем «Бесстрастном докладе о революции в Ла-Пасе» писали: «Бунтовщики поменяли провинциальные власти в Сикасике, Омасуйос, Сорате, Пакахесе, Юнгасе, где

поставили людей без залога, более того, бесплатно и без формальностей по закону, а еще приказали, чтобы эти провинции прислали в Ла-Пас по одному индейцу, которые должны были представлять индейцев в хунте»³³.

С изложением программы новой власти выступил Х.А.Медина. Его «План правительства» сначала был обсужден в узком кругу радикалов, а затем 21 июля представлен кабильдо. Во втором варианте, после замечаний Мурильо, братьев Ланса и Сагарнаги полностью исчезли упоминания о короле, вассалитете и преданности короне, а появились очень жесткие формулировки о политике Испании в американских колониях. В документе, принятом кабильдо 22 июля и одобренном народом, декларировались свобода торговли, неприкосновенность частной собственности, личная свобода, устанавливались новые налоговые правила: впредь все налоги, в том числе доходы от почты, монополии табака, будут оставаться в местном казначействе, а не направляться в Буэнос-Айрес³⁴. «Эти права человека находятся в руках властей и должны ими полностью соблюдаться с уважением к достоинству и чести гражданина».

«План» предусматривал создание законодательной «Представительной и охранительной хунты прав народа». Кабильдо приказывало созвать «представительный конгресс прав народа с участием делегатов от индейцев, по одному индейцу от каждого округа всех шести районов (субделегаций), которые составляли провинцию Ла-Пас»³⁵. Впервые в истории континента созывался представительный орган власти с выборными от индейцев.

Тогда же радикальное крыло революционеров выпустило манифест, в котором четко и безо всяких «масок» декларировалась цель — независимость Чаркаса. В этом важнейшем документе, характеризующем все движение в Ла-Пасе, заявлялось: «До сегодняшнего дня мы терпели подобие ссылки на чужбине в лоне собственного отечества; мы до сего дня в течение трех веков с безразличием взирали на попрание свободы, на деспотизм и тиранию несправедливого узурпатора, уничтожавшего человеческое достоинство... И вот наступил час сбросить иго, столь унижающее нас и так льстящее испанской гордыне. Настало время организовать новую систему правления, принципы которой будут зиждиться на интересах нашей родины, до сих пор презираемой подлой политикой Мадрида. Настало время поднять знамя свободы в этих несчастных колониях, задавленных игом несправедливостей и тирании»³⁶.

24 июля собралась Охранительная хунта в составе 12 человек. Позднее, в сентябре к ним присоединились трое индейских делегатов³⁷. Последнее вызвало возмущение консерваторов. Роялисты сетовали: «Индеец из Юнгаса был, по крайней мере, императорской крови, происходил из Инков, а остальные — простые касики»³⁸. Возглавил хунту Педро Доминго Мурильо. В ее состав вошли радикалы Х.А.Медина, Г.Ланса, Х.Б.Катакора, Ф.Патиньо, Б.Буэно.

Главной особенностью новой системы власти было разделение на административный и законодательный корпусы. Правящим органом оставалось кабильдо. Хунта вырабатывала рекомендации, затем кабильдо принимало по ним решения. Явным отличием хунты в Ла-Пасе от всех других патриотических хунт в Испании и Америке было то, что уже в своей основной декларации она отказалась от титула «защитника прав Фердинанда VII», а стала именоваться «защитницей прав народа».

Вопросы обороны перед лицом возможного военного нападения на Ла-Пас крайне беспокоили лидеров восстания. С первых дней восстания было

сформировано ополчение, ежедневно проводились военные занятия и смотры. Во главе военной организации стояли два непримиримых врага Мурильо и Индабуру³⁹, что таило в себе зародыш будущего конфликта. Тревожные новости приходили из Перу. В конце августа стало известно, что из Куско и Арекипы в сторону границы с Чаркасом двинулись королевские войска под предводительством Гойенече.

Вопросы обороны не могли заслонить внутренних опасностей, исходивших как от консервативного руководства кабильдо во главе с алькальдом Ф.Янгуасом, так и от умеренной фракции самого революционного кружка. С каждым днем личные отношения Индабуру и Мурильо становились все напряженнее. Радикалы, Медина, Катакора, Буэно с большим подозрением относились к Мурильо. 12 сентября пришли известия о занятии королевскими войсками из Перу г. Копакабаны на побережье оз. Титикака, находившегося в юрисдикции Чаркаса, т.е. вице-королевства Рио-де-Ла-Плата. В тот же день подстрекаемая радикалами толпа потребовала отставки и суда над алькальдом. Под давлением толпы кабильдо было вынуждено принять отставку Янгуаса, а также ввести в свой состав новых членов, в том числе лидера радикалов Медину. Фактически это был левый переворот, руководящие позиции оказались в руках радикалов. После смещения Янгуаса пришедшие в кабильдо крайние радикалы настояли на принятии резолюции об объявлении войны перуанской провинции Пуно⁴⁰. Кризис наступил несколько дней спустя. 16 сентября из Лимы пришло письмо вице-короля Перу Х.Ф.Абаскаля с требованием восстановить старые власти и распустить войска. Два дня кабильдо обсуждало требования вице-короля. 22 сентября было принято решение формально подчиниться, но не исполнять приказ, а послать делегатов для переговоров с командующим войсками Гойенече. Если у Гойенече было 5 тыс. человек, то Хунта располагала отрядом в 800 человек, к тому же у них имелось 11 орудий.

Мурильо написал письмо Гойенече, предложив свои услуги и готовность следовать его приказам⁴¹. Гойенече рассчитывал на помощь Мурильо в подавлении восстания и даже думал назначить его губернатором. Всем же членам кабильдо Гойенече обещал амнистию. Чаша весов в городском руководстве склонилась в пользу умеренных и роялистов, к которым примкнул Мурильо.

После приказа вице-короля вернуть политическую ситуацию к положению до 16 июля кабильдо постановило 30 сентября распустить Охранительную хунту. Военная и политическая власть оказалась в руках Мурильо, которому удалось уговорить радикалов пойти на уступки перед угрозой применения военной силы. Однако вскоре радикалы утратили доверие к Мурильо, узнав о его письмах к Гойенече. Стали поговаривать о его сговоре с роялистами и предательстве. 6 октября Гойенече прислал для переговоров двух офицеров, которых со всевозможными почестями отправились встречать сам Мурильо и члены кабильдо. Посланники Гойенече проследовали в кабильдо, где объявили о всеобщей амнистии. Условиями этого были капитуляция и разоружение, что безоговорочно было принято кабильдо. Мурильо оставался командующим войсками до прихода войск Гойенече⁴². Кабильдо восстановил в должности старого алькальда Янгуаса, ставшего союзником Мурильо.

Решение кабильдо возмутило радикалов во главе с Мединой. После отъезда парламентаров Медина созвал в казармах гарнизона бывших членов хунты и некоторых членов кабильдо, которые под давлением присутство-

Казнь Педро Доминго Мурильо (аллегория). Художник Хоакин Пинто

встал Индабуру, превратившийся в союзника Медины и радикалов. Однако, если радикалы желали сражаться с роялистами, то Индабуру заботила только его собственная судьба. Большая часть войск во главе с Кастро ушла в Чакалтайо, ключевое место для обороны Ла-Паса. 18 октября, как только войска покинули город, Индабуру, остававшийся там главнокомандующим, совершил переворот, арестовал Медину и других радикалов. Роялисты приветствовали переворот. На следующий день Индабуру приказал установить виселицы для всех арестованных. Тем временем, узнав о событиях в городе, войска, преданные радикалам, вернулись в Ла-Пас. Индабуру пытался организовать защиту города, но его затея провалилась. Сам Индабуру был ранен, а затем забит толпой до смерти. Его труп был повешен на виселице для поругания⁴⁴. Народ нападал на дома роялистов, грабил магазины, принадлежавшие испанцам. Власть вернулась к радикалам. Были освобождены все арестованные, кроме Мурильо. Затем войска, захватив его с собой, отступили на позиции в Чакалтайо. Войск было слишком мало, чтобы всерьез думать о вооруженном противостоянии Гойенече. Радикалы считали, что надо уйти в Юнгас, на север провинции, где можно было организовать сопротивление и даже установить республику.

В Юнгасе уже некоторое время находился отряд В.Ланса, который преследовал епископа, организовавшего своего рода Вандею в тылу революционного Ла-Паса. Лансе удалось мобилизовать в Юнгасе около 6 тыс. индейцев⁴⁵. Это обстоятельство убеждало революционеров, что в Юнгасе они смогут эффективно противостоять Гойенече.

25 октября Гойенече подошел к Ла-Пасу. Небольшой отряд принял неравный бой у Чакалтайи, дав возможность основной группе во главе с Кастро и Мединой уйти в Юнгас. Чтобы оружие не досталось врагу, были взорваны все

вавших там радикалов и народных элементов постановили отменить решение о капитуляции и заявили о готовности сопротивляться. Медина с комиссией кабильдо выехал в Тиуанако, где находилась большая часть войск Ла-Паса во главе с Сагарнагой. Там Медина красноречиво убедил всех в своей правоте и уговорил отряд вернуться в город, чтобы продолжить революцию и наказать предателей⁴³.

Тем временем 12 октября оставшийся в городе Индабуру стал настраивать солдат против Мурильо и Янгуаса. Он опасался, что пострадает после реставрации, если Гойенече назначит губернатором Мурильо. Ночью он арестовал Мурильо, обвинив его в предательстве. 13 октября приведенные Мединой из Тиуанако войска штурмом взяли дом Янгуаса, арестовали некоторых испанцев и креолов-роялистов. Во главе войск

пушки. Гойенече уничтожил заградительный отряд и занял город. Потери революционеров в арьергардных боях составили 200 человек⁴⁶. Во время отступления в Юнгас Мурильо удалось бежать. 11 ноября его арестовали уже люди Гойенече. 30 октября Гойенече отправил отряд в 500 человек для преследования Лансы в Юнгас. 11 ноября роялисты разбили при Ирупане отряд восставших, который, согласно данным Т.Котеры, насчитывал 8 тыс. человек. Однако это были плохо организованные индейцы, не способные противостоять регулярной армии. Их предводители Ланса и Кастро бежали с поля боя. Вскоре их взяли в плен индейцы, прослышавшие о поражении Ла-Паса и желавшие выслужиться перед испанцами. Они казнили Лансу и Кастро, а их головы сначала выставили в Короико, а затем отослали в Ла-Пас.

После военных побед роялисты приступили к жесточайшим репрессиям. В течение ноября арестовали всех лидеров восстания. 19 ноября из Буэнос-Айреса пришло письмо, уполномочивавшее Гойенече вершить правосудие над революционерами. 2 января 1810 г. состоялся скорый суд. Все лидеры восстания П.Д.Мурильо, Б.Катакора, Б.Буэно, М.Хименес (Пичитанка), М.Гранерос, Х.А.Фигероа, А.Хаен, Г. Ланса, Х.Б.Сагарнага были приговорены к смерти. Лидер радикалов Х.А.Медина избежал смертного приговора лишь благодаря своему священническому сану. 29 января состоялась казнь: веревки виселицы не выдержали, и тогда всех сначала подвергли удушению, а затем отсекали головы, чтобы выставить их на показ во всех городах Чаркаса. Поднявшись на эшафот, Мурильо воскликнул: «Вы не погасите пламя, которое я зажег»⁴⁷.

Движения в Чукисаке и Ла-Пасе остались изолированными вспышками. Они не были активно поддержаны другими регионами и городами Чаркаса. Лишь в 1810 г. под влиянием майской революции в Буэнос-Айресе лозунги Ла-Паса и Чукисаки вновь становятся актуальными. В августе 1810 г. восстала Кочабамба, поддержавшая хунту в Буэнос-Айресе. В ноябре 1810 г. кабиљдо Чукисаки на этот раз с согласия архиепископа приняло акт признания Революционной хунты в Буэнос-Айресе. Практически все города Чаркаса поддержали революцию в Буэнос-Айресе и экспедиционный поход войск Буэнос-Айреса под предводительством Х.Х.Кастельи. Столь быстрое распространение в Чаркасе революции в 1810 г. объяснимо лишь идейным влиянием движения 1809 г.

Г.Рене Морено писал, что война за независимость Верхнего Перу началась с «маски», под которой прошли события в Чукисаке, но продолжилась восстанием с «открытым лицом» в Ла-Пасе. Эта хорошая метафора вряд ли отражает реальное положение дел. Под маской понималась декларация верности Фердинанду VII. Мало вероятно, что огромные массы народа лицемерили в своем чувстве верности плененному королю. Реально в Чаркасе шла борьба за автономию и политическую реформу, но в рамках испанской монархии. Жестокая расправа над участниками этого движения толкала креолов к осознанию необходимости борьбы не за автономию и самоуправление, а за независимость.

Движение 1809 г. в Чаркасе знаменовало начало многолетней Войны за независимость и освобождение американских колоний от испанского владычества. В этом движении проявились черты, свойственные революционным событиям этих же лет в самой Испании. Нам представляется логичным и обоснованным рассматривать эти события в рамках ибероамериканской антиабсолютистской революции, центрами которой были как Испания, так и ее американские колонии и которая знаменовала переход от «старого режима» к буржуазному строю.

Период с начала восстания в Испании в мае 1808 г. и формирования по всему королевству патриотических хунт вплоть до роспуска Центральной хунты в январе 1810 г. является ключевым для понимания иберо-американской революции, одним из результатов которой стала Война за независимость Америки. За этот период американцы прошли путь от искреннего испанского патриотизма и вассальной верности монарху до враждебности в отношении испанской монархии и всего режима колониального господства. Логичным завершением этого периода революции были созыв Учредительных кортесов в Кадисе и принятие испанской конституции 1812 г., восстания в Каракасе, Буэнос-Айресе, сентябрьский «клич» Идальго в Мексике в 1810 г.

В процессе революционных событий в Чаркасе, особенно в Ла-Пасе, постепенно «маска» преданности и вассалитета Фердинанду VII исчезла и была заменена новыми идеями и лозунгами: суверенитет народа, права нации, равенство креолов и европейцев. В Ла-Пасе эта тенденция проявилась в полной мере. Восстание в Ла-Пасе своим радикализмом намного опередило движение патриотов 1810 г. и в Буэнос-Айресе, и в Каракасе, и в Сантьяго. Ла-Пас предложил Испанской Америке программу не только политической революции, но и социальной. Именно с восстания в Ла-Пасе иберо-американская революция в Америке приобрела характер движения за независимость. И в Испании, и в Америке целями революционеров были свержение абсолютизма Бурбонов и разрушение «старого режима», однако в колониях революция имела свою динамику и быстро переросла в Войну за независимость. Кровавая развязка событий в Чаркасе в 1809 г. сделала невозможным компромисс с метрополией в рамках единой иберо-американской революции и обрекла страну на жестокую войну, которая длилась 15 лет вплоть до обретения Боливией независимости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ G.R.M o r e n o. Últimos días coloniales en el Alto Perú. Santiago de Chile, 1896, p. 12.

² Историографический очерк на эту тему см. во вступительной статье М.С.Альперовича в: Дж.Л и н ч. Революция в Испанской Америке. 1808—1826. М., 1979, с. 5—20; а также Н.Н.М а р ч у к. Либеральные реформы и война за независимость Латинской Америки. М., 1999.

³ J.E.R o d r í g u e z. La independencia de la América española. México, 2006; F.-J.G u e r r a. Modernidad e independencias. Ensayos sobre las revoluciones hispánicas. México, 2001.

⁴ 1808. La eclosión juntera en el mundo hispano. México, 2007; Una independencia, muchos caminos. El caso de Bolivia (1808—1826). Castelló de la Plana, 2008.; Debates sobre las independencias iberoamericanas. Madrid, 2007.

⁵ M.C a r m a g n a n i. El otro Occidente. América Latina desde la invasión europea hasta la globalización. México, 2004, p. 140—142.

⁶ J.L y n c h. América Latina, entre colonia y nación. Barcelona, 2001, p. 153.

⁷ М.С.А л ь п е р о в и ч. Освободительное движение в конце XVIII — начале XIX в. в Латинской Америке. М., 1966; е г о ж е. Испанская Америка в борьбе за независимость. М., 1971; История Латинской Америки. Доколумбовая эпоха — 70-е годы XIX века. М., 1991.

⁸ R.P r u d e n c i o. Ensayos históricos. La Paz, 1990, p. 123.

⁹ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. La Paz, 1997, p. 49.

¹⁰ C.S t o e t z e r. The Scholastic Roots of the Spanish American Revolution. New York, 1979, p. 18—25.

¹¹ E.B r i d i k h i n a. Theatrum mundi. Entramadas del poder en Charcas colonial. La Paz, 2007, p. 37—53.

¹² E.J u s t l l e ó. Comienzo de la independencia en el Alto Perú: los sucesos de Chuquisaca, 1809. Sucre, 1994, p. 637—638.

- ¹³ J.L.R o s a. Ni con Lima ni con Buenos Aires. La formación de un Estado nacional en Charcas. La Paz, 2007, p. 170—171.
- ¹⁴ Una independencia, muchos caminos... p. 60.
- ¹⁵ A. A r g u e d a s. Historia de Bolivia. La fundación de la república, t. 1. La Paz, 1992, p. 32.
- ¹⁶ Так в Южной Америке презрительно-насмешливо называли испанцев, уроженцев самой Испании, недавно приехавших в Америку. Слово означает «выскачка», «чужак», «приблудный».
- ¹⁷ F.S u á r e z S a a v e d r a. El Héroe de mayo. Biografía de Jaime Zudáñez. Sucre, 2009, p. 75.
- ¹⁸ M.S á n c h e z d e V e l a s c o. Memorias para la historia de Bolivia. Desde el año 1808 a 1848. Sucre, 1938, p. 11.
- ¹⁹ J.L.R o s a. Op. cit., p. 174—175.
- ²⁰ Речь идет о конкистадоре — завоевателе Перу Франсиско Писарро.
- ²¹ G.R.M o r e n o. Estudios históricos y literarios. La Paz, 1983, p. 39.
- ²² E.J u s t L l e ó. Op. cit., p. 692.
- ²³ Цит. по: С.M o n t e n e g r o. Nacionalismo y coloniaje. La Paz, 1979, p. 44.
- ²⁴ E.J u s t L l e ó. Op. cit., p. 193.
- ²⁵ Суданьес уже через год принял активное участие в движении за независимость Чили, а Монтеагудо был одним из видных деятелей в деле освобождения Аргентины, Чили, Перу.
- ²⁶ M.S á n c h e z d e V e l a s c o. Op. cit., p. 15—17.
- ²⁷ T.D á v i l a. Insurrección de La Paz, 1809. Manuscrito. — Biblioteca nacional de España. MSS/13150.
- ²⁸ С.M o n t e n e g r o. Op. cit., p. 48; A.C r e s p o, R.A r z e A g u i r r e, F.B.R o m e r o, M.M o n e y. La vida cotidiana en La Paz durante la Guerra de la independencia. 1800—1825. La Paz, 1975, p. 209.
- ²⁹ A.V a l e n c i a V e g a. José Antonio Medina. El sacerdote de la revolución liberal en el Alto Perú. La Paz, 1978, p. 63—64.
- ³⁰ Documentos para la historia de la Revolución de 1809, vol. III, p. 25.
- ³¹ T.D á v i l a. Op. cit., p. 41.
- ³² Documentos para la historia de la Revolución de 1809, vol. III, p. 28—30.
- ³³ T.D á v i l a. Op. cit., p. 43.
- ³⁴ Los hermanos García Lanza. La Paz, 2008, p. 132—133.
- ³⁵ Documentos para la historia de la Revolución de 1809, vol. III, p. 363—367.
- ³⁶ Ibid., p. 38.
- ³⁷ R.A r z e A g u i r r e. Participación popular en la independencia de Bolivia. La Paz, 1979, p. 109.
- ³⁸ T.D á v i l a. Op. cit., p. 43.
- ³⁹ Эта враждебность уходит корнями в далекое прошлое: Индабуру, будучи командиром ополчения, арестовал в 1806 г. Мурильо по обвинению в антиправительственном заговоре и требовал от вице-короля Собремонта расправы над ним. — R.C h o q u e C a n q u i. Situación social y económica de los revolucionarios del 16 de julio. La Paz, 2008, p. 178—179.
- ⁴⁰ Documentos para la historia de la Revolución de 1809, vol. III, p. 50.
- ⁴¹ V.A b e c i a B a l d i v i e s o. La «genial hipocresía» de Don Pedro Domingo Murillo. La Paz, 1978, p. 23.
- ⁴² Documentos para la historia de la Revolución de 1809, vol. III, p. 62.
- ⁴³ J.F e l l m a n V e l a r d e. Historia de Bolivia, t. 1. Los antecedentes de la bolivianidad. La Paz, 1968, p. 277.
- ⁴⁴ Documentos para la historia de la Revolución de 1809, vol. III, p. 65—68.
- ⁴⁵ Ibid., p. 63.
- ⁴⁶ Ibid., p. 175.
- ⁴⁷ На процессе Мурильо пытался оправдываться, чтобы спасти свою жизнь, за что его упрекали современники. Однако мученическая смерть и последние слова, полные мужества, говорят о великом подвиге этого человека.